

В предыдущих своих очерках я попытался показать, что бедственное положение в социально-экономической сфере Камчатки в 90-х годах прошлого века было предопределено возникновением в стране бифуркационной ситуации, а также неумением региональной элиты адекватно реагировать на появление новых условий и обстоятельств.

И одним из наиболее убедительных примеров такового неумения является отсутствие у партийных органов, у исполнительной власти, у хозяйствующих субъектов и у представителей экономической науки Камчатки анализа предшествующей 30-летней практики создания в области многопрофильного народно-хозяйственного комплекса. Хотя квалифицированный анализ вполне мог бы уберечь область от повторения прошлых ошибок. К числу которых, в первую очередь, относилось и относится чрезмерно завышенное ожидание от развития горнорудной отрасли на территории Камчатки. И вот тому конкретный пример.

Еще до начала V Региональной научно-практической конференции «Рациональное использование природных ресурсов Камчатки, прилегающих морей и развитие производительных сил до 2010 года» («Конференции-1989») и особенно после завершения ее работы в области, буквально как заклинание, стал звучать рефрен: золотодобыча – это «вторая» (после рыбной отрасли) нога народного хозяйства области, без которой экономика Камчатки устоять не сможет. Который дополнялся утверждением о том, что на Камчатке имеется все необходимое для начала реального освоения нескольких золоторудных месторождений.

На самом же деле к разработке реальной программы по развитию золотодобычи в области приступили лишь через год после «Конференции-1989», когда Президиум Областного Совета народных депутатов своим решением за № 115 от 29 ноября 1990 года поручил подготовить таковую программу экономической комиссии облсовета, возглавляемой бывшим геологом В.П. Хворостовым, создание которой априори предполагало проведение хотя бы самого беглого анализа предыдущего этапа по развитию горнорудной отрасли на Камчатке.

Однако 16 октября 1991 года, в первый же день работы седьмой сессии облсовета, основной темой работы которой как раз и было рассмотрение проблемы золотодобычи, председатель президиума облсовета П. Премьяк трижды сказал, что вопрос о развитии золотодобычи не готов к принятию по нему решения. И, надо сказать, народные

депутаты это заявление восприняли и обязали В. Хворостова отчитаться о проделанной работе.

Вот тут-то произошло самое интересное. Дело в том, что В.П. Хворостов в своем отчетном докладе не представил ни анализа предшествующей практики по созданию горнорудной отрасли на Камчатке в целом, ни конкретных данных с экономическими показателями и расчетами о предполагаемой отдаче от добычи золота; ни даже карты с указанием месторождений. Он всего лишь в очередной раз повторил, что прогнозные запасы золоторудных месторождений Камчатки составляют 1 000 тонн (умолчав при этом, что реально извлекаемые объемы всегда в разы меньше), и что цена золота на международном рынке имеет тенденцию к дальнейшему росту (хотя на самом деле уже происходило ее снижение).

Так что единственно новым в его докладе оказалось лишь упоминание о том, что, дескать, у области имеется договоренность с правительством И. Силаева о предоставлении Камчатке трети добытого золота в собственное распоряжение с одновременным сохранением плановых поставок топлива и прочих материальных ресурсов. Хотя это последнее заявление явно не увязывалось с декларируемым союзными и местными властям установок на внедрение в хозяйственный механизм страны и региона так называемого хозрасчета. А затем бывший геолог подавляюще большую часть своего выступления уделил полемике со своими оппонентами.

Все это было бы смешно, не окажись оно так грустно. Ибо народные депутаты, призванные взвешено оценивать решения местных властей, поначалу послушно согласились с мнением председателя президиума о том, что вопрос о золоте не готов к рассмотрению. Затем столь же охотно подключились к выяснению отношений председателя экономической комиссии с его оппонентами. И наконец без должного и, главное, квалифицированного обсуждения проблемы приняли решение о возможности добычи золота на Камчатке.

Впрочем, отчасти их понять можно, ибо к этому времени специалисты планово-экономического управления облисполкома, тогдашнего Камчатского института экологии и рационального природопользования, а также геологи, судоремонтники и представители других отраслей и производств также ограничивались приведением лишь таких экономических показателей за предшествующие годы, которые показывали объемный рост выпускаемой в области народно-хозяйственной продукции. Умалчивая при этом о принципиальных просчетах как в отдельных отраслях, так и во всем народно-хозяйственном комплексе области в целом. Вот отчего, когда я в ходе прений

попытался сказать, что в основе всей предыдущей экономической практики области лежат завышенные ожидания и обещания, меня просто не стали слушать.

То есть, говоря проще, народные депутаты повели себя как дети, польстившиеся на конфетный фантик. Начисто позабыв при этом восточную мудрость: *«Сколько ни повторяй слово «халва», от этого во рту слаще не станет»*.

Отчего мне и пришлось самостоятельно осуществить сравнительный обзор 30-летних планов и директив по созданию в области комплексного народно-хозяйственного механизма с их реальным осуществлением. Приведение которого, считаю, будет полезным еще и потому, что в последние годы на Камчатке вновь возвратились к практике принятия так называемых «амбиционных» проектов.

Начинался этот анализ следующим предувещанием: *«Предлагаемая статья – попытка анализа тридцатилетнего периода комплексного развития народного хозяйства Камчатки. Автор ее взял на себя неблагодарную задачу – восполнить пробел, допущенный профессионалами-экономистами. Не вступая в противоречие с материалами нынешней, третьей сессии Областного Совета, статья эта существенно дополняет их, обращая внимание на издержки комплексного пути развития области. А именно таковое – комплексное – развитие народного хозяйства Камчатки и предлагается положить в основу этапа становления рыночных отношений. Но, не выяснив до конца – а стоит ли комплексность сама по себе свечей? – уповать на нее было бы по крайней мере поспешно*

» (Камчатка комплексная. «Рыбак Камчатки», 26 октября 1990 г.). Которое, на мой взгляд, достаточно четко предопределяло цели и задачи предполагаемого анализа.

Отправной же его точкой послужила мысль о том, что директивной основой создания концепции многоотраслевого развития народного хозяйства Камчатской и дальнейшего ее претворения послужили два постановления партии и правительства: «О мерах по дальнейшему развитию производительных сил Дальневосточного экономического района и Читинской области» (1959 г.) и «О комплексном развитии производительных сил Дальневосточного экономического района, Бурятской АССР и Читинской области на период до 2000 г.» (1987 г.).

Кстати, добавлю для интереса: уже после распада СССР, было принято еще несколько подобных, и по названию, и по сути заложенных в них представлений, постановлений правительств Российской Федерации, которые так и не были осуществлены.

Что же касается названных документов, то они показательны, прежде всего, тем, что в них декларировались, а затем и проводились в жизнь одни и те же, по сути, цели и задачи. А потому и было так важно проследить, к чему же, собственно, привела реализация заявленных в них приоритетов.

Итак, вот что говорилось о социально-экономическом положении области в сборнике «Очерки истории Камчатской областной партийной организации (1917–1985). Петропавловск-Камчатский: Дальневосточное книжное издательство, Камчатское отделение. 1986»: *«Камчатская область в 1959 году была районом одностороннего экономического развития. Ее специализация характеризовалась использованием только рыбных ресурсов омывающих полуостров морей. Остальные отрасли экономики (строительство, местная и пищевая промышленность и т.п.) развивались в основном для обслуживания рыбаков и обработчиков Камчатки»*.

И действительно, в 50-е годы до 83–85% валовой продукции народного хозяйства Камчатки обеспечивала рыбная промышленность. Да и среди остальных 15–17% добрую половину в валовый продукт области вносили судоремонт и тарное производство. Тогда как строительная, лесная и пищевая индустрия, равно как и сельское хозяйство, развивались лишь постольку, поскольку в них нуждались рыбаки и рыбообработчики.

Тем не менее такая «однобокость» вовсе не мешала Камчатке долгие годы быть поставщиком валюты для всей страны. Так, например, в резолюции 1-й Камчатской областной конференции ВКП(б), состоявшейся в декабре 1933 г., с законной гордостью говорилось о том, что полуостров является валютным цехом не только Дальнего Востока, но и всего СССР, поскольку из 150 млн рублей, вырученных областью от продажи рыбной продукции в первой пятилетке, 100 млн были получены от экспорта.

Так было. Но, как это зачастую бывает, хорошее решили заменить «лучшим». И постановлением партии и правительства от 1959 г. было решено придать народному хозяйству области комплексный характер. Причем уверенность в верности принятого решения была настолько однозначной, что камчатское руководство тех лет открыто декларировало: *«В плане дальнейшего развития экономики Дальнего Востока видное место займет Камчатка с ее большими возможностями увеличения добычи рыбы, наличием необходимых природных и экономических ресурсов для развития многоотраслевого и экономически*

эффективного хозяйства

(выделено мною. –

В. Б.

)

, в котором ведущими отраслями, наряду с рыбной промышленностью, могут стать горнодобывающая, топливно-энергетическая, лесная промышленность, производство строительных материалов, широко развитое сельское хозяйство и звероводство» (речь первого секретаря обкома КПСС М. А. Орлова на 7-й сессии Верховного Совета СССР пятого созыва. «Камчатская правда», 10 декабря 1961 г.).

Правда, в некоторых, более трезвых, публикациях того времени по поводу геологических проблем Камчатки прозвучало мнение о недостаточной изученности недр области и о несколько поспешном и завышенном уповании на скорую отдачу от добычи ее полезных ископаемых [Проблемы развития производительных сил Камчатской области. Отв. ред. С. В. Славин. М. Изд-во АН СССР, 1960]. Тем не менее в целом прогнозы перспектив развития горнорудной и топливно-энергетической индустрии выдавались буквально радужные. Вплоть до того, что камчатские геологи на полном серьезе заявляли [Сырьевые ресурсы Камчатской области. Отв. ред. академик Д. И. Щербаков. М.: Изд-во АН СССР, 1961], что Камчатка вскоре станет поставщиком нефтепродуктов для всего Дальнего Востока.

Итак, ориентиры были намечены и пути движения к ним обозначены. И на достижение названных целей ушло три десятка лет. Так что оставалось лишь посмотреть, что же получилось с целями и приоритетами на самом деле.

Рыбная отрасль. Возможности для резкого увеличения уровня добычи рыбы и морепродуктов на Камчатке действительно были. Так, если в 1960 году в области было добыто 255 тысяч т, то уже в 1970 было выловлено – 750 тысяч т, в 1975 – 1,017 млн т, в 1980 – 992,5 тысячи т, в 1986 – 1,376 млн т и наконец в 1989 – 1,4 млн т.

Другое дело, какой ценой далось это наращивание объемов. Ибо за этот срок практически полностью были уничтожены камбала и треска Явинской и Озерновской банок, пенжинская и жупановская сельди и на грань уничтожения были поставлены олюторская и охотоморская сельди («Камчатская правда», 13 июля 1989 г.). А из океанических видов рыб с нашей помощью были практически уничтожены бристольская камбала, гавайская пристипома, антарктическая сквама, нототения, угольная и хек.

Тем не менее наращивание объема вылова продолжалось и после этого. Но уже за счет минтая, добыча которого на конец 80-х годов обеспечивала до 90% объема годового улова [Рекомендации V Региональной научно-практической конференции

«Рациональное использование природных ресурсов Камчатки, прилегающих морей и развитие производительных сил до 2010 года». Петропавловск-Камчатский, 1989]. Впрочем, и состояние запасов минтая к концу века также внушало опасения. Во всяком случае уже к 1992 году предполагалось снизить объем его добычи в Охотском море на 500 тысяч тонн, и на столько же – в Беринговом море («Камчатская правда», 9 сентября 1990 г.). И такое снижение не заставило себя ждать.

В целом же в результате хищнического по своей сути вылова резервов гидробиоресурсов для дальнейшего наращивания объемов добычи на всем Дальнем Востоке почти не осталось. Во всяком случае максимальный объем допустимого улова в дальневосточных морях на начало 90-х годов прошлого века оценивался [Парфенович С.С. Географические особенности внутригодовой динамики океанического вылова // Рыбное хозяйство. 1990. № 39] всего лишь в 5–5,5 млн тонн, при реальных уловах в 4–4,5 млн тонн. Отчего на 1991 год, и впервые после 1980 года, плановый объем добычи рыбы на Камчатке был снижен с 1,4 млн тонн в 1990 году, до 1,215 млн тонн.

Вполне очевидно, что в этих условиях наиболее оптимальным способом увеличения доходности рыбной отрасли должно было бы стать полное и глубокое вовлечение в обработку выловленной рыбы, благо возможности для этого были. Ибо, по мнению тогдашнего первого заместителя министра рыбного хозяйства СССР Е. Д. Ширяева, высказанного на «Конференции-1989», поднятый на борт улов использовался всего лишь на одну треть. Однако это «прозрение» чиновников рыбной отрасли, десятки лет понуждавших рыбаков в погоне за валом выбрасывать за борт две рыбыны из трех выловленных, более чем запоздало.

Не менее значимой задачей развития рыбной отрасли должно было бы стать и сохранение природного потенциала гидробионтов. И в первую очередь – восстановление и воспроизводство лососевых. Ибо в конце 80-х годов 50–70 тысяч т ежегодно вылавливаемого лосося давали от 45 до 60% (в денежном выражении) всей товарной продукции отрасли. Тогда как реальный природный потенциал рек и озер Камчатки (до 500 тысяч т лосося в год – «Камчатская правда». 8 декабря 1989 г.) позволял, в перспективе, обеспечить, в ценах того времени, до 2–2,5 млрд долларов годового дохода. И уже одно только это побуждало задуматься над тем, а стоит ли развивать в области многоотраслевой народнохозяйственный комплекс. Особенно зная о крайне отрицательном воздействии, которое оказывают все нерыбные отрасли на сохранность лососевых нерестилищ.

Кстати, после того как лесная и сельскохозяйственные отрасли, пусть бы и поневоле, в

разы сократили объемы своего производства, а российское правительство наконец-то запретило японским рыбакам осуществлять дрифтерный лов камчатского лосося, его добыча в крае в последние годы приблизилась к названной (500 тысяч тонн в год) цифре. А сама рыбная отрасль Камчатки, при резком сокращении численности рыбаков и обработчиков, по объему добытых морепродуктов вновь вплотную приблизилась к показателям 30-летней давности.

Сельское хозяйство. Деятельность этой отрасли является одним из самых показательных примеров того стиля мышления и хозяйствования, согласно которому принятое решение с излишним усердием претворяется в жизнь.

И действительно, в 1959 году был взят курс на максимально полное обеспечение населения Камчатки собственными основными (мясо, молоко, овощи) продуктами питания. И под эту идею были выделены огромные финансовые и материальные ресурсы. Так, если в 1960 году основные фонды этой отрасли составляли всего лишь 25 млн рублей [Кашинцев Б. П. Земля широких горизонтов. Петропавловск-Камчатский. 1981], то в 1986 году они оценивались в 969 млн рублей. При этом в самой отрасли на 136 предприятиях работало свыше 24 тысяч человек [Голощапов А. А. АПК: Совершенствование партийного руководства. Камчатка на пути ускорения. Петропавловск-Камчатский. 1987]. То есть, как можно видеть, прирост был просто грандиозным. Но оправдали ли себя вложенные ресурсы и усилия? Можно однозначно ответить – нет.

Дело в том, что в 1986 году отраслью было произведено сельскохозяйственной продукции на сумму в 116,3 млн рублей. И, на первый взгляд, это вроде бы и неплохо. Однако появление самой этой цифры объясняется тем, что в 1986 году закупочные цены на сельскохозяйственную продукцию в очередной раз были повышены на 30%, отчего ее стоимость разом и практически без увеличения объема производимой продукции возросла с 78,5 млн рублей в 1985 году до 116,3 млн («Камчатская правда», 22 марта 1989 г).

Однако напомним, что в том же 1986 году «Камчатрыбпром», имея основных фондов на 1077 млн рублей и 34 тысячи рыбаков и обработчиков [Калинин В. В. В инициативе и активности коммунистов – залог успеха. Камчатка на пути ускорения. Петропавловск-Камчатский. Дальневосточное книжное издательство. Камчатское отделение, 1987], выдал товарной продукции на 1,3 млрд рублей. Тогда как почти равная ему по фондовому обеспечению и всего лишь на треть меньшая по численности работающих сельскохозяйственная отрасль таковой продукции выпустила в 11 с лишним

раз меньше.

Но самое главное во всем этом заключается в том, что благая цель – обеспечение населения области собственными продуктами питания – так и не была достигнута. Ибо в этом же, и очень благополучном для сельского хозяйства 1986 году, потребности области в основных продуктах питания за счет местного их производства удовлетворялись: по молоку – на 33–35%, по овощам – на 40–45%, по мясу – на 48–50%.

Правда, к концу 1989 года некоторый прирост производства привел к тому, что потребности по молоку были удовлетворены на 40%, по овощам – на 34% и по мясу – на 52% («Камчатская правда», 19 августа, 1990 г.). Однако уже в первом полугодии 1990 года реализация свежих камчатских овощей снизилась на 14,9%, а картофеля – на 22,65% против уровня 1989 г. («Камчатская правда», 11 сентября 1990 г.). В целом же в этом году вместо 8–9 тысяч тонн картофеля, необходимых областному центру на предстоящую зиму, было заложено на хранение всего лишь 1870 тонн. А вместо 5 тысяч тонн свежей и 1 тысячи квашеной капусты было реализовано чуть более 1 тысячи тонн свежей и заготовлено около 180 тонн квашеной капусты («Камчатская правда», 28 декабря 1990 г.).

Так что нет ничего удивительного в том, что область приступила к закупкам овощей, картофеля и мяса за рубежом. А точнее, даже не к закупкам, а к обмену ее на рыбную продукцию. И тем самым областные власти де-факто признали несостоятельность идеи полного обеспечения населения Камчатки собственными основными продуктами сельхозпроизводства. Да и как не признать, если к уже исчезнувшему партийному кнуту, в 1992 г. исчез и экономический (дотации) пряник, а потому совхозам попросту стало не под силу производить сверхубыточную продукцию.

Именно сверхубыточную, так как, по мнению тогдашнего заместителя камчатского Агросоюза В.Н. Ролдугина, производство одного килограмма мяса в области обходилось в 90 рублей, а одного килограмма капусты – в 5 рублей. При их продажной цене на порядок меньшей. Впрочем, это и не удивительно, так как для производства 3 тысяч бройлерного мяса одна только птицефабрика «Восточная» ежегодно завозила 18 тысяч тонн комбикормов, 22 тысячи тонн каменного угля и большое количество жидкого топлива, строительных материалов и различного оборудования. А также содержала огромный штат нужных и ненужных сотрудников. Так что действительно многим проще и дешевле было бы завозить на Камчатку вместо многих десятков тысяч тонн всяческих грузов всего лишь 3 тысячи на порядок более дешевого мяса.

Однако и это были далеко не все несуразности сельскохозяйственного производства как такового. Дело в том, что отрасли каждый год официально планировалось (Зиновьев П.П. первый секретарь обкома КПСС. «Камчатская правда», 6 декабря 1989 г.) терять в овощехранилищах 40% от заложенного на хранение картофеля. На самом же деле отходы того же картофеля сплошь и рядом достигали 60% и больше (Политический собеседник, № 1, 1990).

Но в таком случае возникает естественный вопрос: а для чего тогда создавалась такая мощная по фондовооруженности и численности занятых в ней людей отрасль? Неужто только для того, чтобы в конце концов убедиться и признать несостоятельность вложения громадных средств и ресурсов в сельское хозяйство? И не просто признать, а приступить к закупке того же картофеля в Китае и даже в бывшей ГДР, отчетливо осознавая при этом, что таковые закупки обойдутся в 1,5–2 раза дешевле, чем собственное производство («Камчатская правда», 7 января 1990 г.).

Впрочем, был у сельскохозяйственной отрасли Камчатки и еще один грех – уничтожение лососевых нерестилищ в ходе проведения всякого рода мелиоративных работ. Например, природный потенциал лососевых бассейна р. Большой оценивался КО ТИНРО в 30–32 тысячи тонн горбуши и в 3–4 тысячи тонн кеты, красной, кижуча и чавычи ежегодно. А это количество лосося по ценам внутреннего рынка могло бы давать до 150–180 млн рублей (в рублях того периода, разумеется) годового дохода. Да и по тогдашним международным ценам (3,3 долларов за кг) это количество лосося могло бы приносить стране не менее 100 млн долларов. Тогда как вся убыточная продукция Апачинского и Большерецкого совхозов оценивалась всего лишь в 10–15, максимум в 20 млн. рублей в год. И это при том, что за счет уничтожения нерестилищ и чрезмерного вылова (в том числе и населением названных совхозов) к началу 90-х годов уловы на реке Большой сократились до 3–5 тысяч тонн.

К сказанному остается добавить, что средства, вложенные в мелиорацию, могли окупиться (а на самом деле так и не окупилась) в нашей области за срок в 80–100 и более лет. Например, создание очередного – «Долиновского» – совхоза должно было, по плану, окупиться через 115 лет («Камчатская правда», 22 марта 1989 г.). Однако совхоз исчез, едва успев появиться.

Итак, с развитием сельского хозяйства, которому прочили огромное будущее (считалось, например, что перспективных пахотных угодий на Камчатке столь много, что их с

излишком хватит для полного обеспечения бурно растущего населения области мясом, молоком, овощами, картофелем и яйцами), ничего стоящего не получилось. Зато в результате распашки речных долин (и вырубки лесов) область лишилась лососевых нерестилищ с годовой продуктивностью около 50 тысяч тонн этой ценнейшей рыбы. А этого количества лосося с лихвой хватило бы на то, чтобы действительно полностью обеспечить население области и продуктами питания, и товарами народного потребления, и тем же топливом, покупая все это и многое иное на стороне.

Ну а в целом, как показала жизнь, сельское хозяйство в области как самостоятельная отрасль в полном смысле этого слова рухнула, ибо в 1995 году объем ее продукции сократился на 90–95%. Правда, в последние годы XXI века в крае наметились заметные подвижки в росте объемов продукции. В результате чего, например, самообеспеченность Камчатки молоком составила 47%, а свининой 75–85% (У крестьянина нет выходных. «Камчатский край», № 5, 12 февраля 2020 г.). Однако не стоит забывать, что и это стало возможным лишь при значительной (от 60 до 80 процентов сверх собственных вложений) финансовой и материальной поддержке государства. И, следовательно, о самодостаточности в сфере обеспечения населения края мясом, молоком и овощами говорить по-прежнему не приходится. Ибо полная самодостаточность может состояться лишь при повышении цен на сельскохозяйственную продукцию в 2–2,5 раза. Что и демонстрирует продукция, произведенная частниками.

Кстати, хотя государственная дотация и способствует рентабельности производства молока и мяса, однако далеко не каждый камчадал может позволить себе ежедневно покупать продукцию по такой цене. А повысить зарплату (про пенсии я и не говорю) хотя бы в 1,5 раза, чтобы можно было более или менее постоянно потреблять такую дорогую продукцию, не может позволить себе ни государство, ни тем более частные фирмы и предприятия Камчатки.

Лесная отрасль. Подобный же конфуз, а иначе и не скажешь, случился и с освоением лесных ресурсов полуострова. И в самом деле, на какое-то время лесное хозяйство области демонстрировало свою рентабельность. В 1987 году, например, при общем доходе в 70 млн рублей прибыль отрасли достигла 5,3 млн рублей. Однако и это было обеспечено дотацией, а потому говорить о подлинной прибыльности отрасли не приходится.

Более того, даже при наличии дотации представители лесной отрасли области уже в 1988 году заговорили о кризисе сырьевой базы. И заговорили не случайно, ибо в 50-

годы, когда по всей стране проводилось работы по районированию регионов по степени их лесистости, в лесную площадь Камчатки директивно были включены массивы стланиковых кустарников, которые недалёковидными геоботаниками (академиком В.Б. Сочава, в частности) были названы «стланиковыми лесами». В том смысле недалёковидными, что они не учли образа мышления чиновников, которые бы непременно использовали этот чисто научный термин (стелющиеся леса) в пользу своих отраслевых интересов. Вот и на Камчатке за счет того, что в ее лесные площади были включены массивы кедровых и ольховых стлаников, коэффициент лесистости был установлен в 42,7% («Камчатская правда», 18 декабря 1989 г.). И область одним росчерком пера была приобщена к так называемым «лесоизбыточным» регионам. Вследствие чего и появился на свет план интенсификации деятельности лесной отрасли Камчатки. Непомерной интенсификации, подчеркну, так как на самом деле коэффициент лесистости области не превышал 18%, а площадь собственно товарных (хвойных) лесов, вырубкой которых обеспечивалось выполнение плановых показателей, и вовсе составляла 800 тысяч гектар («Экокурьер», № 8, 1988 г.).

Тем не менее из доклада Гипролестранса от 1970 года следовало, что запасы хвойного леса в бассейне реки Камчатка составляли 90,5 млн кубометров. И в соответствии с этими расчетами объемы вырубки стали резко возрастать. Так, если в 1960 году было вырублено 627 тысяч кубометров древесины, то уже в 1970 году объем вырубки достиг – 820 тысяч, в 1986 – 859 тысяч, а в 1988 – 1042 тысяч.

Однако, как выяснилось позже, данные Гипролестранса оказались сильно завышенными. Так что в 1990 году в области было вырублено около 700 тысяч кубометров. А в 1991 году и вовсе предстояло вырубить лишь 400 тысяч кубометров. Причем и эта последняя цифра выглядела чрезмерной, ибо при естественном приросте хвойных лесов Камчатки всего в 0,8 м³/га, в долине реки Камчатка можно было заготавливать не более 240–250 тысяч кубометров в год.

Кстати, в связи с этим остается только восхищаться профессионализмом специалистов далеких 20-х годов прошлого века, которые предупредили, что на Камчатке следует производить вырубку леса только для внутреннего потребления [Резолюция Петропавловского уездного Совета по лесному хозяйству в Камчатской области, 1920 г.]. И это при том, что население области в ту пору не превышало 22–25 тысяч человек, против 476,6 тысячи в 1990 году.

Однако к этому предостережению подлинных специалистов не прислушались. И лесному хозяйству области вплоть до начала 90-х годов прошлого века предписывалась роль

одной из ведущих отраслей в народнохозяйственном комплексе Камчатки. Хотя за 30 лет хищнического истребления хвойных лесов доля лесной отрасли в общем объеме выпускаемой в области продукции ни разу не превышала 3–5%. А в 1995 году объем производства лесной продукции сократился на 95%.

Так о какой ведущей роли может идти речь? Может быть в зарабатывании валюты? Но и эта цель явно не оправдала вложенных средств, усилий, ресурсов и тем более надежд. Ибо все то количество валюты, которое отрасль получала от ежегодной реализации 100–200 тысяч кубометров «кругляка» («Камчатская правда» 5 января 1990 г.) в Японию, можно было получить, ежегодно продавая в ту же Японию всего-навсего 3–4 тысяч т лосося («Камчатская правда», 14 апреля 1988 г.).

Кстати, в 1936 г. в реке Камчатка добыли 35 тысяч т лосося, в 1988 – 10 тысяч т, в 1989 г. – 4,5 тысячи т, а в 1990 г. и того меньше. Так что нет ничего удивительного в том, что предпоследний председатель Камчатского облисполкома Н. А. Синетов в своей речи на 12-й сессии Верховного Совета РСФСР признал, что общее падение добычи лосося на реке Камчатка было обусловлено истребительным лесопользованием в ее долине. Именно истребительным, так как на каждый экспортный кубометр приходилось от 2 до 3 кубометров выбракованной и брошенной на лесных складах древесины.

То есть, говоря иначе, потерянные запасы лососевых только реки Камчатки по своей товарной стоимости с лихвой перекрывали все «доходы» и от лесной отрасли, и от сельского хозяйства области в целом. И в немалой степени эти потери произошли еще и потому, что жители понастроенных совхозов и лесхозов также интенсивно облавливали реку Камчатка и ее притоки.

Что же касается самой лесной отрасли, то уже к концу 80-х годов прошлого века более половины самодеятельного населения, так или иначе связанного с лесным хозяйством, оказалось на грани полной безработицы (А. С. Гасюк – генеральный директор «Камчатлеса» – «Камчатская правда», 18 сентября 1988 г.).

Однако даже и после этого вынужденного признания краха лесной отрасли специалисты от пилы и топора на полном серьезе заявляли, что площадь хвойных лесов Камчатки составляет 800 тысяч гектаров [Ресурсный потенциал Камчатки. Петропавловск-Камчатский. Камчаткнига, 1994]. Начисто «забыв» при этом, что из указанных на начало 60-х годов прошлого века 800 тысяч га, 300 тысяч га уже были

пройдены рубками или сгорели в результате антропогенных пожаров. И что из оставшихся 500 тысяч га более половины приходится на труднодоступные горные территории, а также на разного рода неудобья и водоохранные зоны рек. Так что рассчитывать на сколько-нибудь весомую отдачу от лесной отрасли явно не приходилось.

Тем не менее в качестве выхода из положения предлагалось восстановить прежние объемы вырубki за счет, на этот раз, каменной березы. Для чего, например, хотели было построить завод по производству из ее древесины деловой щепы. Однако и тут «крепкие хозяйственники» крепко просчитались, ибо как-то «неожиданно» выяснилось, что щепы наша никому не нужна. И то ладно, а то ведь в ходе вырубki каменно-березовых лесов камчатские реки могли окончательно обмелеть, заилиться и обезрыбиться.

Горнодобывающая отрасль. В уже упомянутой речи первого секретаря обкома КПСС М. А. Орлова оценка развития горнорудной отрасли прозвучала следующим образом: «*Камчатка из района крайне узкой специализации может быстро стать многоотраслевым хозяйством, если Министерство геологии и его главки по-настоящему возьмутся за подробные геологические работы на территории нашей области*». То есть он однозначно считал, что именно создание горнорудной отрасли сделает народное хозяйство области многоотраслевым.

Что же касается министерства, то оно тогда действительно по-настоящему взялось за разведку на территории области: только, например, в поиски и разведку золота за период до начала 90-х годов было вложено более 300 млн рублей (тогда эта сумма была примерно эквивалента 300 млн долларов), за счет чего были открыты и затем разведаны Агинское, Аметистовое и прочие золоторудные месторождения, а также другие полезные ископаемые. Однако поиски нефти не оправдали возлагаемых на них надежд. А в целом все 30 с лишком лет со дня провозглашения лозунга о скором прорыве в освоении камчатских недр в области из ее минеральных ресурсов использовались только шлаки Козельского карьера, щебень Петровского карьера да, отчасти, пемза, перлиты и бурый уголь.

Тем не менее сторонники разработки камчатских недр по-прежнему заверяли всех и вся в том, что, если вовлечь в освоение уже разведанные объекты, то всего лишь через 5–7 лет жители области почувствуют весомую отдачу («Камчатская правда», 1 апреля 1990 г.). А в перспективе, как утверждалось, от горнорудной отрасли вообще можно будет получать до 2 млрд рублей (советских рублей, подчеркну) ежегодного дохода.

Поскольку, уверяли они, одно только Квикумское месторождение медно-никелиевых руд стоит более миллиарда долларов по международным ценам («Камчатская правда», 26 сентября 1990 г.).

Вообще-то, замечу, эти оценки стоимости захороненных в земле ресурсов верны. Однако сама по себе постановка проблемы – если, мол, мы приступим к разработке, то быть Камчатке богатой, оказалась неверной. Ибо, во-первых, к разработке тогда приступить так и не смогли, хотя деньги нам были нужны, как говорится, еще позавчера, а на строительство только одного рудника на Шануче ушло несколько лет. Во-вторых, как показывает практика работы горнорудной отрасли в стране, отдача от добычи руды в целом всегда была, скорее, минимальной, нежели весомой. Ну и наконец, в-третьих, как выяснилось позднее, налоги от добычи минеральных ресурсов в основном уходили в регионы регистрации добывающей компании, а заработная плата поступала гастарбайтерам, так как их привлечение обходится много дешевле.

Правда, все это для властных и хозяйствующих органов Камчатки стало откровением лишь годы спустя. Тогда же, в октябре 1989 года, «Конференции-1989», посвященной проблемам развития Камчатки, главный геолог Камчатгеологии В.П. Хворостов утверждал, что цена грамма золота на внешнем рынке доходит до 14–15 долларов, и при этом имеется отчетливая тенденция к ее повышению. А потому, продолжал он, уже в ближайшей перспективе в области ежегодно будет добываться 15–20 тонн золота, от реализации которого область сможет получать 200–250 млн долларов годового дохода. Намеренно, кстати, умолчав при этом, что на самом деле доход от добычи золота практически полностью будет иметь государство, а не область.

Спустя год, на очередном заседании президиума облсовета народных депутатов, В. Хворостов вновь привел названные выше цифры и вновь упомянул о том, что имеется тенденция к возрастанию цены на золото на внешнем рынке. На основе чего президиум облсовета и принял, как уже говорилось, решение считать добычу золота на Камчатке возможной. А еще через год, на 7-й сессии облсовета, тот же В.П. Хворостов в очередной раз повторил все сказанное ранее. Добавив к этому, что, дескать, уже имеется принципиальная договоренность с И. Силаевым (тогдашним предсовмина РСФСР) о том, что область будет получать 35% (в рублях) дохода от добычи золота в качестве оплаты за использование ресурсов недр и 30% (в валюте) от реализации камчатского золота на внешнем рынке. И этим так вдохновил народных депутатов, что облсовет абсолютным большинством голосов принял «судьбоносное» решение считать золотодобычу одним из основных направлений народного хозяйства области на ближайшую перспективу.

Однако пришедший на смену И. Силаеву Е. Гайдар вместо обещанной трети разрешил добытчикам Колымы (да и то под угрозой остановки всей золоторудной отрасли области) воспользоваться всего лишь одной десятой доли добытого там золота. В результате чего с уже работающих золотых приисков Магаданской области всего за полтора-два года уволилось более половины рабочего персонала. Так что нет ничего удивительного в том, что планы по развитию золотодобычи на Камчатке рухнули, так и не дождавшись начала своего осуществления.

Обманулись камчатские эксперты от золота и в другом своем утверждении. Так, все на той же 5-й научно-практической конференции 1989 года, исходя из мнения зарубежных специалистов, я попытался было показать местным властям и самим геологам, что наше камчатское золото государству в общем-то и не нужно. В том смысле не нужно, что каждые лишние 15–20 тонн золота (а именно столько обещали добывать в области геологи Камчатки), реализованные СССР на зарубежном рынке сверх установленной для него квоты в 200 тонн ежегодно, неизбежно приведут к снижению цены на все продаваемое советское золото (только на советское золото, подчеркну) в 1,5–2 раза.

Тогда, помнится, камчатский эксперт Н.Н. Матюшонок самоуверенно заявил, что это не так, и что западные эксперты камчатским геологам не указ. Однако в 1990 году СССР реализовал за рубежом 234 тонны золота на общую сумму в 1 млрд 633 млн долларов. То есть, если элементарно разделить одно на другое, всего лишь по 7 (семь) долларов за грамм, вместо обещанных камчатскими экспертами 14–15 долларов. И продал так дешево потому, что дела в экономике страны были настолько плачевны, что руководство страны, дабы получить хоть что-то, продало золото за полцены.

Кстати, при нынешней цене на золото в 1500–1600 долларов за унцию (то есть вчетверо большей, чем в 1999 году) бывшие эксперты по золоту уже не твердят о том, что они приладили к камчатской экономике ту самую «вторую ногу», без которой, как они уверяли, экономике области было не устоять. Что, впрочем, и понятно, так как вместо обещанных 15–20 тонн в Камчатском крае на сегодня добывается чуть более 5 тонн золота в год.

Ну и наконец позволю себе сделать еще одно замечание о перспективах освоения недр области. По существующим оценкам всех камчатских полезных ископаемых хватит, при нормальной их разработке, разумеется, на 20–25 лет. Максимум – на 40–50. И, следовательно, в случае масштабного освоения камчатских недр всего через полвека мы в очередной раз начнем думать, а чем же нам делать с людьми, тем или иным образом связанными с горнорудной отраслью. А думать придется, как показывает ситуация с

судоремонтной отрасли Камчатки.

Судоремонт. Годовой доход этой отрасли на конец 80-х годов оценивался в 100 млн рублей. Вроде бы и неплохо, по сравнению с сельскохозяйственной и лесной отраслями. Однако дороговизна, долговременность и, главное, низкое качество производимых работ были просто удручающие. Например, плавбаза «Советская Латвия» в те годы пробыла в ремонте на Петропавловской судовой верфи три года – и ей еще предстояло докование, которое в самом Петропавловске занимало 3 месяца, плюс низкое – ниже некуда – качество работ; в Приморье – 40 дней с практически таким же невысоким качеством, а в Южной Корее – всего 9 суток и с отличным качеством.

Вот отчего сами рыбаки говорили о том, что им выгоднее ремонтировать свои суда за рубежом и платить валютой втридорога, чем ждать так долго и получать неизвестно что. Да и министр рыбного хозяйства СССР, побывавший в начале 90-х годов на полуострове, заявил, что если камчатские судоремонтники и впредь будут работать так же плохо, то отрасль откажется от судоремонта на Камчатке и полностью перейдет на ремонт рыбацких судов области за границей. И тем самым он открыто поддержал идею о переориентации ремонта камчатских судов за рубеж, впервые высказанную мною еще в 1988 году. («Дальневосточный ученый», 17 февраля 1988 г.). Ну а то, что численность работающих в судоремонтной отрасли Камчатского края на сегодня составляет около трех сотен человек, вместо трех с лишним тысяч в 1990 году, и что до 70% рыбацких судов ремонтируются на верфях Кореи и Китая и сейчас, лучше всяких слов говорит о неспособности камчатского судоремонта работать в условиях рынка.

Таковы основные положения моего тогдашнего анализа социального положения Камчатки. Конечно же, можно было бы привести и другие примеры несбывшихся надежд и неоправдавшихся прогнозов. Однако и уже сказанного вполне достаточно для того, чтобы понять, что отсутствие трезвой оглядки на неудачное прошлое действительно, как было сказано в первой части моих предвзятых заметок, может обернуться крушением продекларированных целей и задач и отсюда, потерей хорошего будущего. Особенно если при этом мнение инакомыслящих будет восприниматься и, главное, преподноситься как нигилизм и экстремизм.

Ну и наконец, в качестве заключения, позволю себе дать ответ на возможный вопрос: а что конкретное, помимо приведенного анализа, сделал лично я для преумножения отрицательных последствий? Отвечу: пожалуй, ничего. Почему? Да потому, что после появления в печати моих заметок всем, кто пытался привлечь меня к сотрудничеству, напрямую говорили, что участие некоего Быкасова в их исследованиях, мягко говоря, не

приветствуется.

Так что единственным моим практическим результатом оказался «Проект развития туризма на Камчатке», разработанный 1993 году по просьбе главы «Дирекции природных парков Камчатки» и устроителя «Налычевского природного парка» В.И. Меньшикова (Быкасов В.Е., Меньшиков В.И. Рациональное использование рекреационных ресурсов Камчатской области. Проект. Камчатоблкомприрода». 1993. 23 с.). В котором мною впервые была высказана мысль о том, что основным направлением в освоении рекреационных ресурсов Камчатки должен стать круизный туризм, тогда как так называемый экстремальный туризм не должен превышать разумных размеров. И, замечу, на «Конференции-2019» эти представления были повторены полностью. Хотя, разумеется, о моем приоритете при этом не упоминалось.

Валерий Егорович БЫКАСОВ,

научный сотрудник Института

вулканологии и сейсмологии ДВО РАН